

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ФОЛЬКЛОРЕ

УДК: 398.1+398.54

Ю. В. Лиморенко

Институт филологии СО РАН

Фольклорный сюжет и его исторические основы: сохранение представлений об исторической личности в народной памяти¹

В статье рассматриваются исторические предания алтайцев, тувинцев и бурят, связанные общими персонажами. Прототипами этих персонажи являются исторические лица – участники политической жизни последнего периода существования Джунгарского ханства (начало – середина XVIII в.). Показано, что исторические события трансформируются в народной памяти по законам фольклорной традиции, сближаясь с сюжетами народного эпоса. В первом разделе статьи проанализированные генеалогические связи персонажей преданий. Герои получают генеалогии, напоминающие родословные эпических богатырей. Во втором разделе статьи рассматривается ещё один признак фольклоризации исторических воспоминаний – проникновение в предания международных эпических и сказочных мотивов. Всё это свидетельствует о переосмыслении исторических событий и личностей в народной памяти по законам фольклорной традиции.

Ключевые слова: исторические предания, историческая память, эпос, генеалогия, фольклорные мотивы, мотив «трудные задачи», мотив «богатырь в яме / погребу», мотив «натягивание богатырского лука».

Цель настоящей статьи — рассмотреть формы сохранения народной памяти о реальных исторических личностях в повествовательном фольклоре. Предметом исследования будут соотношения между исторически подтверждёнными сведениями о реальных лицах и их отображением в исторических преданиях; объект исследования – образы Калдан-каана, Шуну и Амурсана (Амыр-Санаа), персонажей исторических преданий алтайцев и тувинцев. Материалом для исследования служат тексты исторических преданий, опубликованные в томах двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [НПА, 2011; МЛПТ, 2010].

Один из крупнейших циклов исторических преданий тюрков Южной Сибири посвящён судьбе здешних племён, подвергавшихся агрессии со стороны джунгар, циньского Китая и казахских ханов. Последовательность событий, изложенных в преданиях, сильно разнится от текста к тексту. Изложе-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Фольклор как источник исторической памяти народов Сибири» (рук. Е. Н. Кузьмина, 2016–2017) Программы президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» Комплексной программы фундаментальных исследований Сибирского отделения РАН «Интеграция и развитие» на 2017 год (Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы).

Лиморенко Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. ак. Николаева, д. 8, к. 206, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: limorenko.yulia@yandex.ru.; тел.: 8-(383)-330-14-52.

ние исторических событий, отражённых в преданиях, приведено во вступительной статье к тому «Несказочная проза алтайцев» [Ойроткинова, Ямаева, 2011, с. 38–40]. В этой же статье отмечается, что в преданиях «нельзя не отметить фольклоризацию образов исторических личностей, по отношению к которым фольклор проявляет удивительную изобретательность, делая одних положительными героями, других – отрицательными, а некоторых вообще не удостоивает вниманием» [Там же, с. 35]. Отталкиваясь от этого ценного наблюдения, мы остановимся подробнее на том, каким именно образом происходит этот процесс и как изменяются представления о реальной личности в народной памяти.

1. Первое отличие реальной истории и картины мира в преданиях состоит в **представлении о генеалогии персонажей**. Согласно историческим данным, джунгарский хан Цеван-Рабдан имел двух сыновей – Галдан-Церена² и Лобсан-Шоно³ [Златкин, 1983]. Внук Галдан-Церена – Даваца, в алтайских преданиях известный как Табачи / Табачы [Там же]. Таким образом, Даваца – внучатый племянник Шоно. В борьбе за трон Даваца нашёл поддержку у тарбагатайского владетеля Амурсана – прототипа одного из центральных персонажей преданий и у алтайцев, и у тувинцев. Важно, что исторический Амурсана – не кровный родственник династии джунгарских ханов.

Шуну и Амыр-Санаа как персонажи алтайского фольклора уже привлекали внимание исследователей: «У алтайцев в разное время было зафиксировано более десятка текстов о Шуну, различных по полноте сюжетной линии. Следует заметить, что исторические предания тувинцев, в отличие от алтайских, чаще повествуют о другой, не менее заметной личности того времени, об Амыр-Сане... Возможно, это обусловлено разными военно-политическими и географическими факторами» [Ойроткинова, 2013, с. 74]. Н.Р. Ойроткинова проводит подробное исследование образов героев преданий, их характеристик и связей друг с другом. Нас, однако, сейчас интересует более узкий аспект природы этих образов, а именно их сходства и различия с историческими сведениями о людях – прообразах этих героев.

В преданиях отсчёт родословной ведётся от Калдан-каана (или Ойрот-каана – его функция в сюжете точно такая же). Ойрот-каан – «собирающее имя джунгарских ханов» [НПА, с. 526]. По одной из версий фольклорного родословия, Ойрот-каан имеет двух сыновей: Амыр-Санаа и Шуну. Дочь Шуну беременеет от градинки, упавшей с неба, и у неё рождается сын Табачи, претендующий на престол; предание называет его злым духом в образе человека и объясняет распад ханства тем, что Шуну проклят и его потомство несёт бедствия и разрушения [НПА, текст 143]. Амыр-Санаа в этом предании не действует, а лишь упоминается.

Изучим этот текст подробнее. Ойрот-каан выступает здесь как типичный властитель мирного времени, он старается сохранить на своей земле порядок и соблюсти закон, поэтому карает дерзкого и непокорного Шуну, обижающего подданных, тем более что из-за злодеяний Шуну ханство проклято бурханом – светлым духом из Верхнего мира. Шуну заточён в земляной яме, но вскоре отцу требуется его помощь – ханству грозит войной сильный сосед. Он задаёт три трудные задачи: если их не решат, это признак слабости хана, тогда его землю легко будет завоевать. Сказочный мотив «богатырь в яме», а также мотив трудных задач и их решения (включая натягивание богатырского лука) очень устойчивы – они сохраняются применительно к Шуну или Амыр-Санаа в преданиях алтайцев, тувинцев и хакасов (хотя в хакасских образцах сохраняется только канва повествования, а персонажи теряют исторические имена⁴).

Табачи – незаконный сын, рождённый волшебным образом, – претендует на трон прадеда Ойрота, но подданные не признают его в этом качестве, и он начинает войну за престол. Это относительно точное отражение исторических событий: Даваца действительно вёл борьбу за власть над Джунгарией, и его права действительно признавали не все из-за его низкого происхождения [Златкин, 1983].

В другом тексте алтайского предания хан Калдан-Ойрот имеет двух детей – сына Шуну и дочь Эрке-Шуру. Амыр-Санаа здесь – сын Эрке-Шуру, племянник Шуну [НПА, текст 144]. Шуну опасается, что Амыр-Санаа станет ханом в обход его прав, и задумывает его погубить; конфликт дяди и племянника – также распространённый сюжет в мировом фольклоре. Не сумев убить племянника, Шуну уезжает из родной страны в Россию и после типично сказочных подвигов женится на Бала-каан – русской царице. Амыр-Санаа становится ханом, но в стране начинается междоусобица, и Амыр-Санаа отправляется в другие края, а его подданные переходят под власть русских царей.

² Галдан-Церен – один из прототипов Калдан-каана, вторым прототипом считается Галдан Бошукту-каан, оба они в своё время занимали джунгарский трон.

³ Видимо, он стал прототипом героя преданий Шуну.

⁴ См.: Несказочная проза хакасов / Сост. В.В. Миндибекова. Новосибирск: Наука, 2016. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34). Тексты 69, 70.

Из истории мы знаем, что реальные Шоно и Амурсана действительно бежали в Россию. Шоно после неудачной попытки захватить власть в Джунгарии скрылся в России, и Галдан-Церен требовал от русских властей выдать его. Пока шли переговоры, Шоно умер. В документах фонда «Зюнгорские дела» Архива внешней политики Российской империи имеется документ, в котором описан казус Шоно: согласно этому свидетельству, Галдан-Церен боялся, что Шоно станет ханом при поддержке некоторых родовитых джунгар, поэтому оклеветал его перед отцом, чтобы добиться его казни⁵. Амурсана же помогал Даваца добиться джунгарского престола в надежде получить в награду «канских, каракольских, Телеских и Таутелеуцких волостей людей во владение себе» (цит. по: [Златкин, 1983]). Не получив требуемого, Амурсана поссорился с Даваца, был участником многих политических событий в Джунгарии и Китае, когда Джунгария была подчинена китайцами, поднял восстание против них (поэтому в алтайском фольклоре сохранился его образ как освободителя), но потерпел неудачу и также скрылся в России [Златкин, 1983].

Ещё одна версия фольклорной генеалогии делает Табачы сыном Ойрота, а Амыр-Санаа – племянник Табачы [НПА, текст 145]. Мотив конфликта дяди и племянника и коварного нападения (в данном случае Амыр-Санаа напал на Табачы) присутствует и здесь, обуславливая с сюжетной точки зрения отъезд Амыр-Санаа из родной страны.

Имеется алтайская версия народной генеалогии, согласно которой хан Конодой от первой жены имел сына Шуну, а от второй – сыновей Амыр-Санаа, Темир-Санаа (этот персонаж не соответствует ни одному историческому лицу) и Калдан-Черю (алтайская версия имени Галдан-Церен). Сводные братья задумывают убить Шуну, чтобы ему не досталась верховная власть, и клеветают на него; отец велит посадить Шуну в яму. Шуну также решает три трудных задачи: опознать, какой из коней старый, а какой молодой, определить, кто из сорок самец, а кто самка, и отличить толстый конец палочки от тонкого. В этой версии нет мотива натягивания богатырского лука. Освободившись, Шуну становится казахским ханом⁶, но подданные бунтуют против него и он спасается в России, где получает фамилию «Красно-Шокоп» («Краснощёков») [НПА, вар. 1 текста 144, с. 501–502].

В других версиях алтайских преданий почти постоянно встречается указание на родство между Амыр-Санаа и Шуну⁷; видимо, близкая связь Амурсана с джунгарской династией интерпретируется народным сознанием как кровное родство.

В тувинском предании родословная героев представлена в сильно сокращённом варианте: у Амыр-Санаа есть брат и сестра, сын этой сестры, его племянник, – Шунун. Амыр-Санаа и его брат попытались убить племянника, но неудачно; Шунун стал ханом, дядя воевал с ним, но проиграл. Тогда Амыр-Санаа уехал в Россию. Борьба Амыр-Санаа с племянником представлена здесь как восстание против власти китайского императора в интересах простых людей, поэтому его отъезд изображён как стратегическое отступление перед новым этапом борьбы: «Вот увидите, [я] власть этого хана свергну, новую власть равноправия установлю, — сказал [и] на север, в страну русских непойманный уехал, говорят» [МЛПТ, текст 88]. Исторический эпизод восстания Амыр-Санаа против китайского владычества в предании отражён достаточно точно, как и конфликт его с родственником, претендовавшим на трон. Но родственные отношения между персонажами уже имеют мало общего с историческими данными: для сюжета сложные политические события, основанные на династических связях, не так важны, как этический смысл борьбы против иноземного владычества. Амыр-Санаа, сопротивляясь китайскому «хану», проявляет качества богатырские, почти сверхъестественные, отличается ловкостью, хитростью и отвагой – этот чисто фольклорный образ неосмысленно отождествляет с реальной исторической фигурой.

Ещё в одном тувинском предании об Амыр-Санаа уже вообще не идёт речи о его родословной – он сын нищенки от неизвестного отца (сюжет о чудесном рождении богатыря) [МЛПТ, текст 89].

Хакасские предания сохраняют довольно мало исторической основы событий, однако имя Амыр-Сана встречается и в них. Так, в одном из преданий [НПХ, текст 70, с. 264–271,] Амыр-Сана – старший брат мальчика-богатыря по имени Халдама, – становится невольным виновником его заточения в яме, однако сажает его туда не отец, а невестка – жена Амыр-Сана. Трудная задача юному богатырю выпадает только одна: Моол-хан (собирательное имя монгольских правителей) присылает богатырский лук, чтобы проверить, кто из воинов сможет его натянуть. Халдама натягивает лук и отправляет стрелу в

⁵ Архив внешней политики Российской империи, ф. «Зюнгорские дела», оп. 113/1, 1729 г., д. 2, л. 2. Пер. с подлинника. Электронный ресурс. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Russ_dzungar_otn/21-40/29.htm. Дата обращения: 15.09.2017.

⁶ Наследником казахского ханства он становится, женившись на дочери казахского хана Аюке (Аюке). Династические связи джунгарской династии с казахами известны из истории: дочь хана Аюке Сетерджаб была второй женой Цеван-Рабдана и, таким образом, матерью (а не женой) Шоно [Златкин, 1983].

⁷ См., например: [НПА, вар. 2, 3 текста 144, с. 502; вар. 7 текста 144, с. 503; вар. текста 145, с. 504].

самые владения Моол-хана (мотив натягивания лука дополнен описанием богатырского выстрела, чего нет в преданиях алтайцев). Вместо трудных задач в этом тексте имеется мотив богатырской охоты и убийства чудовищного зверя⁸, что позволяет герою проявить свои богатырские качества.

В предании «Ир-Сулан» [НПХ, текст 71, с. 270–281] сохраняются те же сюжетные ходы, что и в предании о Халдаме, однако никаких имён, связанных с историческими событиями Джунгарии, в тексте уже нет.

Как видим, во многих преданиях, где действует Амыр-Санаа, он находится в тех или иных родственных отношениях с домом Цеван-Рабдана, правителя Джунгарии (чего в реальности не было). Предания приобретают вид повествований о династии, что роднит их с традиционным народным эпосом, где все или почти все ключевые персонажи объединены родством. При этом сами родственные отношения внутри династии в преданиях изложены лишь частично в соответствии с историческими фактами, и в этом изложении важное место занимает конфликт дяди и племянника за право на трон – типичный фольклорный конфликт. Два мотива – конфликт в ханском роду и борьба за свободу родной страны – настолько важны в преданиях, что остальные исторические подробности отступают на второй план.

2. В предыдущем разделе мы упомянули **несколько традиционных для фольклора мотивов**, появляющихся в преданиях об Амыр-Санаа и Шуну. Остановимся подробнее на рассмотрении этих мотивов — они роднят предания с героическим эпосом и волшебными сказками.

Мотив «трудные задачи», возможно, самый популярный в фольклоре разных народов. Чаще всего трудных задач три, причём отдельно выделяется третья и самая главная для сюжета – **натягивание богатырского лука**. Мотив лука, который может натянуть только герой, известен ещё в «Одиссее», в традиционном фольклоре он также встречается широко. В эпических сказаниях сибирских народов натягивание богатырского лука – распространённое типическое место, и это действие всегда неординарно, чудесно:

...Свой лук, сделанный из ребра, натянув,
[Лук] согнув, [тетиву] натянув,
Стрелу из камышинки пустил.
На кончике стрелы огонь появился,
С большого пальца искры брызнули,
От выстрела земля задрожала,
Поверхность Алтая вздрогнула,
Лук, сделанный из ребра, с треском
Прямо посередине сломался.

(Алтайский эпос «Маадай-Кара») [Кузьмина, 2005, с. 147].

Обратим внимание на то, что лук сломался после выстрела. То же происходит с огромным луком, который прислал Ойроту для испытания Тон-Суур-каан: «Когда принесли [лук], этот Шуну, тут же его схватив, стал натягивать и натягивать. Натянув тот лук через все зарубки, сломал его. Когда он сломался, собрав всё в охапку, выбросил за дверь» [НПА, текст 143].

Этот мотив повторяется в другом предании:

«Сидевший у порога двери в рваном *тоне* Шуну-батыр, железный лук схватив, до третьей подставки его натянул <...>. Затем у *каана* Калдан-Ойрота спросил:

– Остановиться ли мне на третьей подставке или разломать лук в трёх местах? – так спросил.

Калдан-каан ответил:

– *Калак-кокый*, вещь великого *каана* не порти, остановись на той же зарубке! – сказал» [НПА, текст 144].

Натягивание богатырского, необычного лука известно и в сказаниях бурят:

Алябан Желбэн батор
Толстую хангайскую стрелу
С бухарским жёлтым луком
Крепко её сцепил,
Прямо направил,
Натяжением натянул —
На изгибе установил,
Размахом натянул —
Над собой установил.

(Бурятский эпос «Толэй Мэргэн») [Кузьмина, 2005, с. 433].

⁸ Мотив «богатырская охота» традиционно присутствует в эпических сказаниях, см.: [Кузьмина, 2005, с. 8–9].

Пример из хакасского героического сказания:

Храбрейшая из дев, Алтын-Арыг,
Пройдя шесть-семь шагов,
С тороков передней луки [седла]
Вытащила сосновый лук;
Наконечник [стрелы], врезающийся глубоко,
Словно лопата, кладёт на зазубрину;
Свистящий наконечник
До упора насаживает на стрелу;
[Украшенные] жёлтым рогом концы лука
Друг с другом соприкасаются.
Кончик твёрдого большого пальца
Кровью налился [от напряжения].
Когда лопатки
У девы сошлись,
На вершине хребта Чарых-сын
Лук загудел,
Прочный, режущий, как лопата,
Наконечник [стрелы] просвистел.

(Хакасский эпос «Алтын Арыг») [Кузьмина, 2005, с. 998–999].

И из якутского олонхо:

Вслед ему,
гудящий свой роговой лук
проворно выхватив,
стал целиться;
глаз прищулив,
с такой силой лук натянул,
что тот изогнулся в кольцо,
будто дужка серьги блудливой девицы;
до наконечника стрелу оттянув,
до предела тетиву натянув...

(Олонхо «Эр Соготох») [Кузьмина, 2005, с. 1315].

Персонажу преданий нет нужды даже стрелять из лука – противник отступает, признав его силу.

Прочие трудные задачи мало напоминают задачи, задаваемые богатырю при сватовстве. Герой преданий, сидящий в яме, решает загадки, больше напоминающие загадку Сфинкса: различить двух птиц и определить, где у палочки нижний, а где верхний концы. Герой даёт советы, как решить загадки: «Опустите палки в бочку с водой. Их толстый конец всегда будет перевешивать, а так, на глаз, это совсем незаметно. Тонкий конец потянется вверх» [НПА, текст 144, с. 307]. «Если воды из чистого родника зачерпнуть, эти палочки в воду опустить, то толстый конец потянет вниз, а тонкий потянет вверх. Так отличите, – сказал» [НПА, текст 144, с. 323]. «Так скажите: “Чтобы рассмотреть этих двух птиц, небу, луне-солнцу совершите обряд с *дыада*. Тогда придёт сильный ветер-вихрь, а затем, немного погода, за ветром пойдёт снег, запуржит. Когда снег перестанет, с утра ударит мороз. Вот тогда сорока, треща, кружась возле загона-хлева, станет искать корм. А павлин в лес полетит”» [НПА, с. 143, с. 307–309]. «Если при помощи камня-*дыада* пургу-вихрь вызвать, обеих сорок выпустить, то сорока-самец, подставляя зад, навстречу пурге полетит, самка же, подставляя грудь, задрив кверху [голову], раскроет свой клюв. Так отличите, – сказал» [НПА, текст 44, с. 325]. Только после решения этих задач требуется личное присутствие героя, чтобы натянуть богатырский лук, и его вызывают из ямы.

Что касается этих трудных задач, по содержанию они близки задачам, которые ставят перед героями сказок – ср. сюжеты АТ 875 «Мудрая девушка», А 921 «Невестины загадки», А 465А «Пойди туда не знаю куда» [СУС], где трудные задачи имеют вид именно загадок и разрешить их помогает интеллект, сообразительность героя (чаще героини). Этим они существенно отличаются от типичных трудных задач, решаемых эпическим героем во время сватовства ([Кузьмина, 2005], пункт структуры ПА20а), или задач, которые ставят перед героем-братом коварные родственники ([Кузьмина, 2005], пункт структуры ПА22).

Мотив «богатырь в яме» в преданиях сходен с мотивом «богатырь в тюрьме / погребе»; этот мотив известен, например, в русских былинах о Ставре Годиновиче [Петров, 2007]. В былине (см., например: [Книга былин..., с. 54–66; РЭП, с. 243–247, 247–248]) князь сажает Ставра в погреб, чтобы завладеть его молодой женой, а сам богатырь не совершал никакого преступления⁹, как и Шуну – герой тюркских преданий. Показательно, что спасти Ставра из погреба удаётся только для решения типичной трудной задачи – развеселить музыкой «ордынского посла» (Василису) или побороться с ним после того, как все другие богатыри побеждены. Сравним текст алтайского предания, где Шуну, сидящего в яме, спасает его сестра Эрке-Шуру [НПА, текст 144]. По развитию этого мотива с алтайскими текстами сближаются хакасские, но там почти не сохраняется имён исторических деятелей, известных алтайцам [НПХ, текст 70].

Мотив «борьба дяди и племянника», присутствующий в некоторых версиях преданий о Шуну и Амыр-Санаа, также имеет традицию: он известен в монгольском эпосе о Гэсэре [Абай Гэсэр Могучий..., 1995], а также в улигере «Аламжи-Мэргэн» [Аламжи-Мэргэн, 1991].

Заключая наше исследование, можно сказать, что исторические образы и события в преданиях тюрков Южной Сибири сохраняются в целом довольно точно, но в деталях приобретают фольклорный характер: переосмысливаются и пересоздаются в эпическом духе генеалогии, появляются связанные с персонажами фольклорные мотивы «трудные задачи», «натягивание богатырского лука», «богатырь в яме / погребе». Народная историческая память, выраженная в преданиях, удерживает канву событий, но представляет их переосмысленными в соответствии с фольклорной традицией, наделяет героев эпическими качествами и характеристиками.

Список литературы

Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос / Сост. М.И. Тулохонов, Д.С. Дугаров. М.: Вост. лит., 1995. 525 с. (Эпос народов Евразии).

Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй-Гохон / Сост. М.И. Тулохонов. Новосибирск: Наука, 1991. 312 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). М.: Наука, 1983. URL: kalmyki.narod.ru/projects/kalmykia2005/html/zlatkin/6.htm.

Книга былин. Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии / Сост. В.П. Авенариус. М.: Издание книгопродавца А.Д. Ступина, 1902. Электронный ресурс. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book54985/#page/4/mode/lup>.

Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.

МЛПТ – Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28).

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н.Р. Ойноктинова, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).

НПХ – Несказочная проза хакасов / Сост. Л.К. Ачитаева, С.К. Кулумаева, В.В. Миндибекова, Г.Б. Сыченко. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34).

Ойноктинова Н.Р. Сюжеты и образы исторических преданий алтайцев джунгарского периода // *Siberian studies*. 2013. № 2. С. 71–80.

Ойноктинова Н.Р., Ямаева Е.Е. Несказочная проза алтайцев // *Несказочная проза алтайцев* / Сост. Н.Р. Ойноктинова, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. С. 11–46.

Петров Н.В. Сюжетно-мотивный состав русского эпоса: модели эпического нарратива: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.

РЭП – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И. Смирнов. Новосибирск: Наука, 1991. 499 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1969. Электронный ресурс. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/sus/index.htm>.

⁹ Если не считать преступлением похвальбу Ставра, из которой князь и узнаёт о его жене.

Yu. V. Limorenko

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation; limorenko.yulia@yandex.ru*

**Folklore plot and its historical background:
preservation of ideas about the historical figure in the people's memory**

The article considers the historical legends of Altaians, Tuvinians and Khakass connected by common characters. Prototypes of these characters are historical figures - participants in the political life of the last period of the existence of the Dzungar Khanate in the first half of the XVIII century. The central heroes of the legends of the three ethnic groups, which have historical prototypes, are Shunu (Shono) and Amyr-Sanaa (Amursana). It is shown that historical events are transformed in the memory of the ethnos according to the laws of folklore tradition, drawing closer to the plots of folk epics. In the first section of the article, the genealogical links of the characters of the legends are analyzed. The personages receive genealogy appropriate to genealogy of epic heroes, so that the plots of the legends are associated with the destiny of the khan's family. Of particular interest is the inclusion of Amyr-Sanaa in the khan genealogy, although his historical prototype Amursana was not a relative of the Dzungarian khans, although he was connected to their political interests. The genealogy of the characters in the legends gravitates towards the scheme "father and his two (three) sons", the relations between them develop in many respects according to the epic principles: the brothers defend the country against foreign invaders and are at war with each other. Other typically family conflicts are the punishment of the son by the father (placing him in the pit) and the enmity of the uncle with his nephew for the khan's throne. In the second section of the article, another sign of the folklorization of historical memories is considered: the penetration of international epic and fairy-tale motifs into legends such as the "hero in the pit / cellar" (known in the Russian epics), "the struggle of the uncle and nephew" (a popular plot of Buryat heroic epics), "difficult tasks" (the motif is present mainly in legendary tales). The nature of the difficult tasks solved by the heroes of the legends is closer to the tasks in tales than to the epic ones: they need not heroic qualities, but intelligence and savvy to solve them. Among the list of difficult tasks, the motif "pulling the hero's bow" (a typically epic motif) is singled out. All this testifies to a rethinking of historical events and personalities in the people's memory according to the laws of folklore tradition.

Keywords: historical legends, historical memory, epic, genealogy, folklore motifs, motif "difficult tasks", motif "hero in the pit / cellar", motif "pulling the heroic bow".

References

- Abay Geser Moguchiy. Buryatskiy geroicheskiy epos [Abay Geser The Mighty. Buryat Heroic Epic].* Ed. M.I. Tulokhonov, D.S. Dugarov. Moscow, 1995. 525 p. [*Epos of the Peoples of Eurasia*].
- Alamzhi Mergen molodoy i ego sestritsa Aguy-Gokhon [Alamzhi Mergen the Young and his sister Aguy Gokhon].* Ed. M.I. Tulokhonov. Novosibirsk, Nauka publ., 1991. 312 p. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]*.
- Zlatkin I.Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635–1758 gg.) [The history of Dzungarian Khanate (1635–1758)]*. Moscow, 1983. URL: kalmyki.narod.ru/projects/kalmykia2005/html/zlatkin/6.htm.
- Kniga bylin. Svod izbrannykh obraztsov russkoy narodnoy epicheskoy poezii [The book of bylinas. Compendium of texts of the Russian folk epic poetry]*. Ed. V.P. Avenarius. Moscow, 1902. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book54985/#page/4/mode/1up>.
- Kuz'mina E.N. Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri [Index of loci communi of the heroic epos of the peoples of Siberia]*. Novosibirsk, 2005. 1383 p.
- Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, legends, historical legends of Tuvinians]*. Ed. N.A. Alekseev, D.S. Kuular, Z.B. Samdan, Zh.M. Yusha. Novosibirsk, Nauka publ., 2010. 372 p. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]*, vol. 28.
- Neskazochnaya proza altaytsev [Non-fairytale prose of Altaians]*. Ed. N.R. Oynotkinova, I.B. Shinzhin, K.V. Yadanova, E.E. Yamaeva. Novosibirsk, Nauka publ., 2011. 576 p. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]*, vol. 30.
- Neskazochnaya proza khakasov [Non-fairytale prose of Khakasses]*. Ed. L.K. Achitaeva, S.K. Kulumaeva, V.V. Mindibekova, G.B. Sychenko. Novosibirsk, Nauka publ., 2016. 540 p. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]*, vol. 34.
- Oynotkinova N.R. Syuzhety i obrazy istoricheskikh predaniy altaytsev dzhungarskogo perioda [Plots and images in historical legends of Altaians of the Dzungar times]. *Siberian studies*, 2013, no. 2, pp. 71–80.
- Oynotkinova N.R., Yamaeva E.E. Neskazochnaya proza altaytsev [Non-fairytale prose of Altaians]. In: *Neskazochnaya proza altaytsev [Non-fairytale prose of Altaians]*. Ed. N.R. Oynotkinova, I.B. Shinzhin, K.V. Yadanova, E.E. Yamaeva. Novosibirsk, Nauka publ., 2011, pp. 11–46. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]*, vol. 30.
- Petrov N.V. *Syuzhetno-motivnyy sostav russkogo eposa: modeli epicheskogo narrative [The plot and motif structure of Rissuan epos: the models of the epic narrations]*. Author's abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2007.

Лиморенко Ю. В. Фольклорный сюжет и его исторические основы...

Russkaya epicheskaya poeziya Sibiri i Dal'nego Vostoka [Russian epic poetry of Siberia and the Far East]. Ed. Yu.I. Smirnov. Novosibirsk, 1991. 499 p. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]*.

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka [Comparative index of motifs. The Eastern-Slavic folktale]. Leningrad, 1969. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/sus/index.htm>.